

КАЛЕБ КАРР, американский романист, историк и киносценарист, родился в 1955 году. Его отец — литератор и журналист Люсьен Карр (1925—2005), соратник Джона Керуака, Аллена Гинзберга и Уильяма Берроуза. Калеб Карр закончил колледж Кенyon и Городской университет Нью-Йорка. Он — автор бестселлеров «Алиенист» и «Ангел тьмы» (продолжение «Алиениста»), а также нескольких книг публицистики. Карр часто выступает в прессе по вопросам истории и современной политики, редактирует «Ежеквартальный журнал военной истории», активно работает в кино и на телевидении. Написал сценарии нескольких телесериалов, а также фильмов «Исчезающий дьявол: начало» и «Владычество: начало». Карр преподает историю в колледже Бард и живет в штате Нью-Йорк.

КАЛЕБ КАРР

3 марта 1896 года в два часа ночи в доме № 19 по Норт-Вашингтон-сквер, принадлежавшем моей бабушке, раздался совершенно безбожный трезвон, сперва поднявшийся на ноги горничную, а позже — и саму почтенную леди. Звонили в дверь. Я валялся в кровати, пребывая в том состоянии — уже не-пьян-но-все-еще-не-трезв, — кое обычно облекается здоровым сном. Кто бы там ни стоял перед дверью, навряд ли у него какие-то дела к моей бабушке — но, подумав так, я счел лучшим решением зарыться глубже в подушки, надеясь, что неведомому гостю все же надоест звонить и он уйдет по своим неведомым делам.

— Миссис Мур! — услышал я голос горничной. — Такой ужасный шум, миссис Мур, могу ли я открыть дверь?

— Не можешь, — безжалостно и четко ответила ей моя бабушка. — Будь моего внука, Гарриет. Наверняка он опять забыл про какой-нибудь карточный долг!

Тут я услышал шаги по направлению к моей комнате и понял, что побудки не избежать. После отмены моей помолвки с мисс Джулией Пратт из Вашингтона я — уже два года как — поселился у своей бабушки, которая за это время приобрела устойчиво скептический взгляд на мою манеру проводить свободное время. Я неоднократно пытался ей объяснить, что уголовный репортер «Нью-Йорк Таймс», каковым я имею честь являться, вынужден, помимо всего прочего, посещать множество районов и домов, славящихся дурной репутацией; то же самое касается неизбежного и малоприятногo общения с весьма сомнительными персонами. Но бабушка моя слишком хорошо помнила светлую пору моей юности, чтобы принять на веру эти наивные оправдания. То, как я себя вел каждый вечер по возвращении домой, способствовало росту подозрений, лишней раз убеждала ее, что дело тут вовсе не в профессиональных обязанностях, а в личных пристрастиях, каждую ночь тинявших меня к танцалам и карточным столам Филея, и, насколько я понял по релке, адресованной Гарриет, сейчас наступал тот самый критический момент, в коий должна последовать демонстрация всех преимуществ трезвого образа жизни, ведомого человеком серьезных намерений. Я нырнул в черный китайский халат, пригладил короткие темные волосы и налменно распахнул дверь прямо перед носом служанки.

— А, Гарриет, — приветливо сказал я, держа одну руку за полой халата. — Нет никаких причин для беспокойства. Я тут просматривал кое-какие записи для статьи и случайно обнаружил, что часть необходимых материалов осталась в редакции. Полагаю, это явился посыльный.

— Джон! — возопила бабушка, после того как Гарриет в замешательстве остановилась. — Это ты?

— Нет, бабушка, — ответил я, мелкой рысью сбегая по лестнице, застланной пыльным персидским ковром. — Это доктор Холмс.

Доктор П.Г. Холмс был невыразимым садистом, мошенником и убийцей и в настоящий момент ожидал в Филадельфии справедливой виселицы. По причинам, честно говоря, для меня совершенно необъяснимым, самым страшным кошмаром моей бабушки было верояние того, что доктор Холмс вдруг вздумает каким-то чудом избежать своего свидания с палачом и незваный направиться в Нью-Йорк с тем, чтобы непременно ее, бабушку, навестить. Я задержался у двери в ее комнату и чмокнул старушку в щеку, что было встречено без тени улыбки, однако с явной благосклонностью.

— Не дерзи мне, Джон. Это наименее привлекательная из твоих черт. И не думай, что твои обходительные манеры заставят меня смягчиться.

Тарарам у двери возобновился, теперь он сопровождался голосом мальчика, выкрикивавшим мое имя. Бабушка угрожающе нахмурилась:

— Во имя всего святого, что это, и чего он, во имя всего святого, хочет?

— Я полагаю, это мальчишка из редакции, — сказал я, развивая начатую ложь, однако сам уже терялся в догадках относительно возможной личности молодого человека, продолжавшего столь решительным образом штурмовать нашу входную дверь.

— Из редакции? — переспросила бабушка, явно не веря ни единому моему слову. — Ну что ж, в таком случае ответь ему.

По возможности быстро и вместе с тем осторожно я спустился по лестнице и уже на последних ступеньках осознал, что голос, вызвавший ко мне, был явно знакомым, однако точно установить его принадлежность я так и не смог. Хотя при этом не вызвало сомнений, что он действительно принадлежал молодому человеку; последнее, впрочем, никак не могло развеять моих беспокойств: кое-кто из самых законченных воров и убийц, встречавшихся мне в 1896 году в Нью-Йорке, на первый взгляд казался сосунком.

— Мистер Мур! — взмолился заново молодой человек, подкрепляя возгласы парой мощных пинков в дверь. — Я должен поговорить с мистером Джоном Скайлером Муром!

РИСУНОК АНТОН ФЕДОРОВ «ИЗВЕСТИЯ»

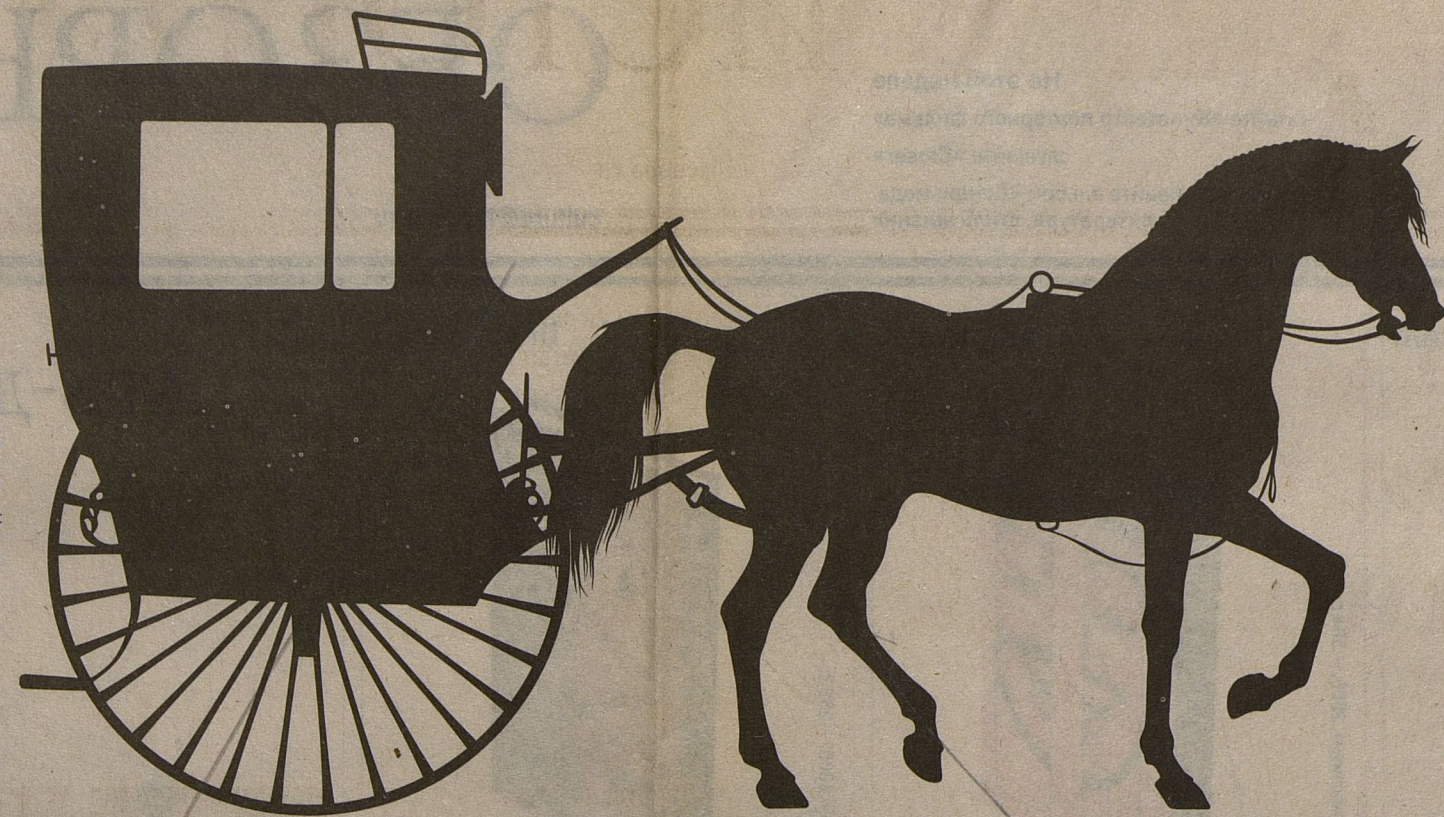

РИСУНОК АНТОН ФЕДОРОВ «ИЗВЕСТИЯ»

Алиенист

Перевод с английского Сергея Натапова

Только в «Известиях» впервые на русском языке можно ознакомиться с нашумевшим историческим триллером Калеба Карра «Алиенист». Нью-Йорк XIX века потрясен чередой неслыханных доселе зверств. В городских трущобах убивают детей, и увечья, которые им наносят, от раза к разу все изощреннее. Чтобы остановить преступления, будущий президент США Теодор Рузвельт собирает группу специалистов, среди которых выдающийся психолог-алиенист Ласло Крайцлер, репортер уголовной хроники газеты «Таймс» Джон Скайлер Мур, первая в истории женщина-полицейский Сара Говард и детектив-сержанты братья Айзексоны — сторонники нетрадиционных методов ведения следствия. Полностью книга выйдет в издательстве «ЭКСМО» на следующей неделе.

Я застыл на черно-белых мраморных плитах вестибюля.

— Кто там? — спросил я, положив одну руку на дверной запор.

— Это я, сэр! Стиви, сэр!

Я облегченно вздохнул и распахнул тяжелые деревянные врата. Снаружи в зыбком свете газовой лампы, единственной во всем доме, которую бабушка отказалась заменить на электрическую, стоял Стиви Таттерт, «Стиви-свиство», как его еще называли. Первые одиннадцать лет своей жизни он посвятил тому, чтобы стать подлинным бичом всех пятнадцати полицейских участков города, но позже был, что называется, «обращен» в личного извозчика и посыльного для общих поручений выдающимся медиком и алиенистом, а по совместительству моим добрым товарищем, доктором Ласло Крайцлером. Стиви стоял, прислонившись к одной из белых колонн, обрамлявших входную дверь, и пытался отдышаться. Он явно был чем-то напуган.

— Стиви! — сказал я, отметив, что обычно ниспадающие пряди его длинных каштановых волос сейчас спутались и донесли от пота. — Что случилось?

За его спиной я увидел маленькую канальскую коляску Крайцлера. В экипаж был запряжен подобраный по окрасу мерин по кличке «Фредерик». Животное, как и Стиви, было все в мыле, и от обоих валил пар, медленно таявший в прохладном мартовском воздухе.

— Доктор Крайцлер тоже здесь?

— Доктор сказал, чтобы вы ехали со мной! — быстро проговорил Стиви, похуже, совладавший со сбившимся дыханием. — Немедленно!

— Но куда? Сейчас два часа ночи...

— Немедленно!

Решительно, он пребывал в состоянии, не располагающем к каким-либо объяснениям, так что я лишь попросил его подождать — с тем, чтобы мог переодеться. Пока я облачался, бабушка вешала из-за двери моей спальни о причинах, заставивших «этого подозрительного доктора Крайцлера» и меня подхватиться в два часа ночи, и ее неоспоримой уверенности в том, что причины эти наверняка не из разряда приличествующих джентльмену. По мере сил стараясь не обращать на нее внимания, я вернулся на крыльцо и, забывшись в коляску, поплотнее укутался в твидовое пальто.

Не успел я усесться поудобнее, как Стиви немедленно огрел Фредерика длинным хлыстом. Падая на сиденье вишневого цвета, я было собрался пожурить мальчика, но меня вновь остановил явный ужас на его лице. Так что я счел за лучшее устроиться молча, в то время как наша коляска, угрожающе раскачиваясь, тревожной рысью понеслась по булыжнику Вашингтон-сквер. Тряска и толчки слегка поутихли, когда брусчатку за поворотом сменили широкие длинные плиты, покрывавшие мостовую Бродвея, однако ненадолго. Мы направлялись в центр города и еще дальше на восток, в тот самый квартал Манхэттена, где Ласло Крайцлер предавался своим трудам и жизни, начиная с границ, становилась все дешевле, а как следствие — отвратительнее. Мы ехали в Нижний Ист-Сайд.

Какое-то мгновение я думал, что, быть может, нечто страшное с самим Крайцлером. Безусловно, отчасти это могло оправдать поспешность, с которой Стиви правил Фредериком, то и дело нахлестывая бедное животное, в то время как обычно — и я знал это — он с ним обходился с изрядной долей уважения, если не сказать с трепетом. А вот первым предста-

«Звонили в дверь.
Я валялся в кровати,
пребывая в том
состоянии —
уже не-пьян-
но-все-еще-не-трезв, —
кое обычно
облекается
здоровым сном»

вителем дюльской породы, который смог добиться от подростка чего-то большего, нежели ругань и пинки, стал Крайцлер, и он же был единственной причиной, по которой юный повеса не томился до сих пор в стенах некоего учреждения, располагавшегося на острове Рэндаллс и уклончиво именуемого «Приютом для мальчиков». В бытность свою, согласно записям в полицейских протоколах, «вором, карманником, пьяницей, злостным курильщиком и шпироном» — последнее относилось к исполнению Стиви ряда обязанностей в шайке карточных мошенников (в частности под этим подразумевалось вовлечение в игру проституток), — «а также учитывав врожденную страсть к разрушениям и опасности», — и все это, заметьте, характеристика десятилетнего ребенка, — так вот, примерно в эту пору Стиви сильно покорежил одного из надзирателей острова Рэндаллс, обвинявшегося в своей очереди, в попытке свершить насильственный акт (что в газетах тех лет означало не что иное, как примитивное изнасилование). Поскольку у надзирателя имелись жена и дети, искренность мальчика, а впоследствии и его вменяемость были подвергнуты столь серьезным сомнениям, что на допрос решили пригласить одно из нынешних светил судебной психиатрии, а именно Крайцлера. Выслушав рассказ Стиви, тот мастерски нарисовал перед судом душераздирающую картину прозвонившего ребенка на улицах, когда Стиви в возрасте трех лет был предателем брошен собственной матерью, которая предпочла опим заботе о сыне и в результате оказалась в содержанках у торговца оным наркотиком, происхожде-

нием китаица. Судья был весьма впечатлен речью Крайцлера, чего нельзя было сказать о его скептической реакции на показания пострадавшего надзирателя; тем не менее он согласился помиловать малолетнего преступника лишь после того, как Крайцлер лично поручился за будущее мальчика и взял на себя ответственность за его дальнейшее воспитание. Я было решил тогда, что Ласло слегка тронулся, но факт остался фактом — спустя какой-то год Стиви разительно изменился. Как и большинство тех, кто работал на Ласло, мальчик фактически боготворил своего покровителя, не обращая никакого внимания на, мягко говоря, неестественное чувство эмоционального отчуждения, неизбежно возникавшее при общении с Крайцлером у многих его друзей и знакомых.

— Стиви? — попытался перебить я грохот колес, немилосердно стучавших по изношенной гранитной мостовой. — Где сейчас доктор Крайцлер? С ним все в порядке?

— Он в институте! — ответил Стиви.

Основная работа Ласло протекала в основном им еще в восьмидесятых Крайцлеровском детском институте, который успешно сочетал в себе черты школы и своего рода исследовательского центра. Я уже было собрался спросить, что же он там делает в столь поздний час, но тут мы выехали на перекресток Бродвея и Хьюстон-стрит, отличавшийся постоянной оживленностью в любое время дня и ночи, так что мне сразу стало не до вопросов. Некто глубокомысленно подметил, что здесь можно было наугад разрядить дробовик без боязни зацепить при этом хотя бы одного добропорядочного человека. Стиви же удовлетворялся тем, что направил коляску в самую гущу бесчисленных пьяниц, картежников, морфинов, кокаинистов, проституток, а также их морской клиентуры и, наконец, обыкновенных бродяг, в результате чего всей этой пестрой публике пришлось спешно искать укрытия на обочине, откуда многие посылали нам вслед виртуозные проклятия.

— То есть мы тоже едем в институт? — крикнул я. В ответ Стиви повернул коня влево на Спринг-стрит, где мы потревожили деятельность двух или трех концертных салонов — заведений, где проститутки, выдававшие себя за танцовщиц, готовили почву для последующих свиданий в дешевых отелях с несчастными дураками, среди которых практически не было местных. От Спринг-стрит устремились к Дилэнси-стрит, пребывая в хаосе неизбежных ремонтных работ по расширению проезжей части, что обуславливалось предполагаемым ростом потока движения от нового Вильямсбургского моста, чье строительство, в свою очередь, только-только начиналось; здесь мы проскочили мимо парочки неосвоенных театров. Вместе с эхом, долетавшим до нас из проносившихся мимо закоулков, я слышал и другое эхо — наполненное беззащитностью и безумием эхо дешевых притонов, в грязных подвалах коих приторговывали тошнотворным пойлом, чей состав мог похвастаться наличием самых невообразимых компонентов, от бензина до камфары, — зато всего пять центов за стакан. Стиви по-прежнему не сбавлял скорость, и это значило, что мы направлялись к дальнему краю острова.

— Мы не едем в институт? — сделал я последнюю попытку хоть как-то прояснить ситуацию.

Стиви в ответ только потряс головой и шелкнул кнутом. Я пожал плечами и

крепче ухватился за борта коляски, гадая, что же могло так сильно напугать мальчика, который за свою короткую жизнь, казалось бы, успел пережить все ужасы уличного Нью-Йорка с их неприглядной стороны.

Дилэнси-стрит промелькнула запертыми ставнями фруктовых и одежных лавок, обернувшись уродливыми коробками доходных домов и кхижинами многочисленных трущоб, разместившихся по соседству с набережной, прямо над Корлирз-Хук. Безбрежное убогое море ветхих лачуг и дрянных многоквартирных коробок раскинулось по обе стороны нашего экипажа. Этот район был своеобразным котлом, где варились самые разные культуры и языки; из них больше всего выделялись ирландцы, доминировавшие на юге Дилэнси, и венгры, преобладавшие дальше на севере, у самой Хьюстон. Среде веренич унылых жилищ, уже украшенных, несмотря на сегодняшнее морозное утро, обязательными рядами свежестиранного белья, маячила случайная церковь неопределенной конфессии. Отдельные предметы гардероба и постельных принадлежностей замерзли целиком, застыв в порывах ветра причудливыми фигурами, пережурченными, казалось, самым неестественным образом, но, сказать по правде, здесь, где темные личности, обернутые в лохмотья, немногим отличающиеся от помойных тряпок, сновали от неосвоенных дверных проемов к невидимым во тьме проулкам, без смущения топча босыми ногами замерзший лошадиный навоз, мочу и сажу, густыми слоями покрывавшие улицы, вряд ли что-то могло удостоиться эпитета «неестественный». Мы очутились в районе, который мало что знал о каких бы то ни было законах, или, выражаясь иначе, в районе, обитатели которого были рады гостям и соседям лишь в тех случаях, когда удавалось обратить их в бегство, после чего самим раствориться во мраке.

Там, где заканчивалась Дилэнси-стрит, в воздухе стоял характерный запах моря и свежей воды, в равных частях смешанный с вонью отбросов, принадлежавших местным обитателям, населявшим окрестности набережной: каждый день они просто сбрасывали мусор вниз, где он, перемешиваясь, и порождал тот неповторимый аромат выгребной ямы, которую мы называем Ист-Ривер. Вскоре над нами нависла гигантская конструкция — въезд на зарождающийся во тьме Вильямсбургский мост. К ужасу моему, Стиви даже не притормозил, влетая на дощатое полотно. Стук лошадиных копыт и грохот колес разносились теперь намного дальше, чем когда мы ехали по каменной мостовой.

Изохрененные хитросплетения стальных креплений под настилом вынесли нас на десятки футов вверх — казалось, теперь мы парили в ночном воздухе. Гадая, что может оказаться целью нашего путешествия, — неужто мы несем к башням моста, которые были все еще далеки от завершения, и открытие движения отстояло на многие годы, — внезапно я начал понимать, чем в действительности является приближающаяся тень, издавала похолодевшая на стены огромной китайской пагоды. Выложенное из гигантских каменных блоков, увенчанное двумя коренастыми смотровыми башенками — каждая окольцована изысканной стальной дорожкой, — это экзотическое сооружение служило основанием манхэттенской части моста, конструкцией, которая на этой стороне в итоге несла на себе переплетения чудовищных металлических тросов, поддерживающих центральный пролет. В известном смысле образ храма был недалеко от истины: так же, как и Бруклинский мост, чьи готические очертания вырисовывались в ночном небе, эта новая дорога над Ист-Ривер была сакральным местом, где в угоду Инженерии, запоздавшей за последние пятьдесят лет весь Манхэттен своими многотажными чудесами, приносились в жертву бесчисленные души рабочих. Пока не догадался я об одном: кровавый ритуал, свершенный этой ночью на вершине западной опоры Вильямсбургского моста, был совсем иного свойства.

Неподалеку от входа на лестницу к смотровым башенкам, на вершине опоры, в дрожащем свете редких электрических лампочек с фонарями в руках стояли несколько патрульных, чьи сверкавшие латунью бляхи выдавали их принадлежность к Тринадцатому участку (мы как раз миновали здание полиции, расположенное аккурат перед Дилэнси-стрит). Вместе с ними находился и сержант из Пятнадцатого, что само по себе немало поразило меня: за два года возни с криминальной хроникой для «Таймс», не говоря уже о бесечном детстве, прошедшем на улицах Нью-Йорка, я твердо выучил, что каждый из полицейских участков ревностно хранит собственную территорию от посягательств со стороны коллег. (Сие повелось еще с середины века, когда различные полицейские группировки открыто враждовали друг с другом.) Если Тринадцатый оказался принужден вызвать человека из Пятнадцатого, это означало, что происходит нечто из ряда вон выходящее.